

DOI 10.15826/izv1.2020.26.1.004

В. М. Амиров

УДК 070.1:81'42 + 316.485.25 + 341.9(477:479.2)

ИДЕОЛОГЕМА «БРАТСКИЙ НАРОД» В РОССИЙСКОМ ЖУРНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ УКРАИНСКОГО И ГРУЗИНО-ЮЖНООСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТОВ

В статье на многочисленных примерах публикаций российских СМИ с помощью метода критического дискурс-анализа показаны особенности функционирования идеологема «братский народ» в журналистском дискурсе украинского и грузино-югоосетинского конфликтов. Подчеркивается уникальность функционирования этой идеологема в текстах российских СМИ, посвященных проблематике конфликтов, и личных блогах журналистов. Выделены и описаны обусловленные историческими, этнорелигиозными и политическими факторами различия использования идеологема в двух вооруженных конфликтах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: война; журналистика; дискурс; идеологема; вооруженный конфликт.

Любой вооруженный конфликт имеет не только собственно батальную, но и медийную составляющую. Информационные и аналитические материалы, в той или иной степени освещающие проблематику военных конфликтов различной этиологии, прочно вошли в повестку дня ведущих российских и мировых СМИ. Редакции стремятся максимально удовлетворить растущий спрос аудитории на батальные публикации, поскольку это позволяет увеличивать тиражи и интернет-трафик, что, в свою очередь, влияет на рекламные доходы изданий и телерадиокомпаний. В информационной поддержке своих действий часто нуждаются и государственные структуры, перед которыми стоит задача оправдать перед своей страной и международным сообществом необходимость применения силы.

Практика направления корреспондентов на линию фронта окончательно сложилась в России в середине XIX в. Читатели в столицах и провинциальных городах страны могли следить, пусть и с большим опозданием (из-за отсутствия возможности быстрой передачи информации), за положением дел на фронтах из публикаций как военных СМИ, таких как газета «Русский инвалид», журналы «Военный сборник», «Морской сборник», так и гражданских — «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Сенатские ведомости» и многие другие [2]. Запрос общества на информацию из воюющей армии обусловил и создание полевой военной печати, примером

АМИРОВ Валерий Михайлович — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета (e-mail: vestnik-va@mail.ru).

которой является организованная по личному указанию М. И. Кутузова газета «Известия из армии», призванная удовлетворить желание общества знать, «где находится армия и даже существует ли она, так как до тех пор Россия не имела об этом сведений» [7, 28].

Интерес общественности к военным репортажам был настолько высок, что постепенно привел к выделению батальной журналистики в отдельное направление и формированию военного журналистского дискурса, имеющего ряд отличительных черт.

Понятие дискурса было предложено французским философом Мишелем Фуко и подробно разработано его последователями, в том числе и в России. В своих работах Фуко под дискурсом понимал «совокупность высказываний, принадлежащих к одной и той же системе формаций» [8, 108] и утверждал, что «само высказывание не может быть сведено к чистому событию акта высказывания» [Там же, 96]. Развивая идеи Фуко, Тео Ван Дейк и Рут Водак констатировали в своих работах, что при критическом анализе дискурса необходимо учитывать три важнейших концепта — власти, истории и идеологии [9, 10].

Одно из первых лингвистических определений понятию дискурс дала Т. Н. Николаева: «Дискурс — многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевые произведения как данность письменная или устная» [6, 467].

Применяя понятие дискурса к лингвистике, Н. Д. Арутюнова поясняет, что имеет в виду «связанный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1].

С точки зрения В. Г. Борботько, дискурс есть текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка — предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование [3, 8].

Мысль о несводимости дискурса к собственно тексту присутствует в работах многих лингвистов. Так, например, М. Б. Ворошилова указывает, что «...дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний. Дискурс — это текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, он выходит за пределы текста и включает в себя различные условия его реализации» [4, 73].

Поскольку война, по мысли известного военного теоретика К. Клаузевица, «есть продолжение политики другими средствами» [5, 47], тексты материалов, посвященных проблематике боевых действий, относятся к политическим. Анализ политического текста, «а также исследование его элементов предполагает изучение уровня воздействия на политический текст, его восприятие адресатом разных языковых,

социальных, культурологических, экономических, политических, национальных и иных факторов, оказывающих воздействие на понимание дискурса» [8, 202].

Исходя из такого понимания критического анализа текстов военного дискурса, представляет интерес рассмотрение идеологема «братский народ», используемой в публикациях российских военных репортеров, работавших на линии военного грузино-осетинского конфликта (2008) и в ходе боевых действий на востоке Украины (2014–2016). Всего для этой цели нами отобрано и изучено более 100 материалов, в данной статье представлены фрагменты из 20 материалов, опубликованных в таких российских СМИ, как «Комсомольская правда», «Новая газета», «Московский комсомолец», ИА «URA.ru», ИА «Utro.ru», ИА «Politonline.ru», телеканалов NewsOne, Вести.ру, а также в личных блогах журналистов. Уникальность состоит в том, что обе стороны противостояния оперируют идеологемой «братский народ», пришедшей из советского медиадискурса, на фоне ведущихся между ними (прямо либо опосредованно, через союзников) боевых действий. При этом, как правило, в материалах СМИ применяется принцип отчуждения государственности от народа, который, несмотря на боевые действия, продолжает именоваться братским. Такой подход четко и однозначно представлен, например, в высказывании президента Российской Федерации В. Путина, заявившего в одном из интервью о том, что «украинцы и русские — братские народы, и даже более того, я вообще считаю, что это один народ».

Рассмотрим некоторые аспекты функционирования идеологема «братский народ» в публикациях средств массовой информации.

Конфликт на Украине

О русских как о братском народе говорит один из непримиримых борцов за возвращение Крыма Украине О. Сенцов: *«Мы, русские и украинцы, родственные народы. Мы, по сути, братья — и между нами мало различий»*. Таким образом, наличие глубоких противоречий между Украиной и Россией не мешает одному из лидеров украинских националистов, осужденному в РФ за терроризм, а позднее помилованному, говорить о близости с народом противостоящей стороны. Еще большая близость подчеркивается, как ни странно, в некоторых публикациях российских СМИ, где украинцы показываются как часть русской нации: *«...самое глупое, чего можно ждать от России — это вот эти вечные игры в братский народ. А он не братский на самом деле — хороший украинец будет называть себя русским»*. Развивая эту мысль, многие авторы вообще отказывают украинскому народу в национальной идентичности: *«Поэтому не хочу и не буду говорить, что украинцы — младшие или какие-то там еще братья русским. Никакие они не братья, они и есть русские, то есть они — это мы. Один народ, с общей культурой и историей. Все остальное — от лукавого, то есть от габсбургов, большевиков и олигархов со справкой из ЦРУ»*.

Ряд публикаций отмечает **абсурдность конфликта между братскими народами**, подчеркивая тем не менее обычность такого конфликта: *«...мало что*

может сравниться по нелепости с военным конфликтом между двумя наиболее близкими, братскими народами. И одновременно до оскомины обыденного. Выяснение отношений между братьями началось, увы, очень давно»; «Это недоразумение, иначе не назовешь, надо заканчивать... Братские республики, народы... Делаем нашим врагам и соперникам подарок своими руками». Предпринимается попытка отделить при анализе ситуации позицию украинской элиты, преследующей в конфликте на территории страны свои корыстные политические и экономические цели, сознательно торпедирующей братские связи между Россией и Украиной, и украинского народа, традиционно симпатизирующего русскому. При этом приводятся исторические параллели: «И после объединения России с гетманщиной в 1654 году стало ясно, что, несмотря ни на какие гарантии Москвы, украинские старшины ведут себя корыстно... То есть украинская элита не только сейчас, но и тогда, и почти никогда не была братской России».

Такая постановка вопроса, исходя из **формулы «государства — враги, а народы — братья»**, принципиально отличается от позиции, выражаемой руководством Украины. Например, П. Порошенко, бывший на тот момент президентом Украины, утверждал: «Нет у нас никаких братских народов во время войны. Есть единый украинский народ, который стремится в Европу, и российский народ, который находится в глубоком кризисе». В выступлении депутата Верховной рады И. Крулько звучит та же мысль: «Мы мечтаем быть независимыми, именно в этом наша идеологическая размерность. Если мы будем вассалами России и согласимся с потерей независимости, то мы снова для них станем братским народом».

Подобной позиции придерживаются и те, кто в средствах массовой информации говорит о необходимости дистанцирования украинского народа от русского для сохранения **национальной идентичности**: «И до тех пор, пока Россия будет относиться к украинцам как к единому с собой народу, хороших отношений можно не ждать. Потому что всегда будут подозрения в том, что больший народ хочет поглотить меньший»; «Братскими наши народы уже никогда не будут и не должны быть. Потому что никто не хочет быть младшим братом».

В публикациях российских СМИ присутствует и мнение о том, что рассмотрение украинского народа как братского мешает решению существующих между Россией и Украиной непростых проблем, а сама **постановка вопроса о «братстве народов» вредна**: «...пугает неспособность наших нынешних руководителей расстаться с советскими мифами о нерасторжимом братстве русских и украинцев». Однако таких публикаций значительно меньше, чем тех, где идеологема «братство народов» выступает в качестве смыслообразующей.

Грузино-осетинский конфликт

Даже в самой горячей фазе грузино-осетинского конфликта, получившего в российских СМИ также название «война 08.08.08», в публикациях, передающих мнение политиков и военных и отражающих мнение самих журналистов, идеологема «братский народ» по отношению к народу Грузии продолжает активно функционировать. При этом всячески подчеркивается, что Россия, поддержавшая

в конфликте действиями своих Вооруженных сил Южную Осетию, не воевала против грузинского населения. Об этом, например, говорит в своем интервью, показанном телеканалом «Вести» и опубликованном на его официальном сайте, на тот момент командующий ВДВ генерал-лейтенант В. Шаманов: *«Мы никогда не рассматривали в качестве врага братский грузинский народ, и не рассматриваем сегодня».*

Более развернуто мысль о близости российского и грузинского народов, несмотря на имеющиеся межгосударственные проблемы, выражена в интервью министра иностранных дел С. Лаврова: *«Это наш близкий сосед, братский народ, у нас огромная взаимная тяга в сфере культуры, гуманитарных связей, и мы не собирались отгораживаться от грузинского народа или изолировать грузинский народ, но режим Саакашвили принял решение о разрыве дипломатических отношений».*

Эмоционально говорит о глубокой близости русских и грузин фронтовой репортер Д. Стешин, работавший в период «пятидневной войны» на территории Грузии: *«Сложно, почти невозможно оспорить этот факт: в России любят Грузию, а грузины любят Россию. Все любят друг друга до полного растворения, до замещения самой последней клеточки в организме. Шашлык, вино, боржоми, Басилашвили, Мимино, Мцъри, Багратион и Кантария с флагом над Рейхстагом... Высокопарная фраза “Русские — наши братья”, пожалуй, только в устах грузина не звучит фальшиво».*

Российская «Новая газета», критикуя боевые действия, заостряет внимание на таком аспекте духовной близости народов, как принадлежность их к православию. В публикации приводится точка зрения грузинского патриарха Илии Второго: *«Это была война двух православных народов, война, в которой не могло быть победителей».*

Можно утверждать, что в значительном большинстве публикаций проводится мысль о **«братстве вопреки войне», «войне как трагическом эпизоде в братских отношениях».**

Со стороны российских СМИ идеологема «братский народ» используется, как правило, для отделения в сознании читателей и зрителей образа дружественного грузинского населения и недружественного правящего режима в Грузии. Однако в ряде публикаций, например, в блоге заместителя редактора журнала «Русский репортер» Д. Соколова-Митрича, высказывается сомнение в правильности такого подхода, поскольку победа на президентских выборах Михаила Саакашвили, по чьему указанию была осуществлена агрессия против Южной Осетии, стала бы невозможной, если бы ее не обеспечил грузинский избиратель: *«Воля ваша, а я не понимаю, почему это только Саакашвили плохой, а братский грузинский народ ни в чем не виноват. По-моему, снятие ответственности с народа за тот выбор, который он сделал, является антидемократичным по природе своей».*

Более того, встречаются в материалах и призывы прекратить прикрываться словами о братстве, которого, как показали боевые действия, на самом деле давно нет: *«Хочется верить, что теперь, наконец-то, из лексикона российских политиков уйдет фраза о “братском грузинском народе”».*

Иными словами, формулируется мысль о том, что использование идеологемы «братский народ» **мешает адекватному восприятию реалий** российско-грузинских отношений и выработке соответствующей политической линии.

В приводимых в российских СМИ высказываниях представителей грузинской стороны спектр использования идеологемы «братский народ» несколько шире. Во многих публикациях подчеркивается глубокая разочарованность тем обстоятельством, что декларируемое на словах братство не помешало России использовать военную силу против Грузии для защиты населения Южной Осетии: *«Было очень больно, мы не ожидали такого развития событий, — говорит Рати. — Русские говорили, что мы братский народ, а получилось все наоборот».*

Имеют место пожелания смены российского руководства и прихода в российскую политику новых людей, которые изменят отношение России к Грузии: *«Главное, чтобы это были люди, которые заинтересованы в развитии грузинской культуры, образования и, конечно же, — в поддержании и укреплении исторической дружбы между братскими русским и грузинским народами».*

При этом не отрицается сама идея братства, однако братство рассматривается как **основа выгодных для Грузии решений российской стороны**. Именно это имеет в виду известный певец грузинского происхождения Вахтанг Кикабидзе, когда говорит в интервью, что *«...для меня сегодня русские тоже братья. Я без лукавства это говорю, потому что я не в том возрасте, чтобы лукавить».*

Таким образом, можно утверждать, что идеологема «братский народ», пришедшая из советского дискурса, активно функционирует в российском милитарном дискурсе. Использование идеологемы в журналистских текстах осуществляется в контексте освещения боевых действий между странами, народы которых и объявляются братьями, — это обстоятельство позволяет говорить об уникальности функционирования этой идеологемы. Использование идеологемы «братский народ» в текстах, посвященных украинскому и грузино-южноосетинскому конфликтам, имеет особенности, обусловленные историей, этнорелигиозными, политическими и иными аспектами. Но если в публикуемых материалах российско-украинское братство объясняется духовным единством, общей историей, культурной близостью, этническим сходством, то российско-грузинское — единой религией, общей историей и взаимопроникновением культур.

Важно отметить также, что идеологема «братский народ», успешно функционировавшая в советском медиадискурсе, продолжает работать и в современном.

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (дата обращения: 17.11.2012).

2. Белогуров С. Б. История военной периодической печати в России (XIX — начало XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997.

3. Борботько В. Г. Элементы теории дискурса. Грозный, 1981. 113 с.

4. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 3, № 23. С. 73–78.

5. Клаузевиц Карл фон. О войне : в 2 т. М. ; СПб., 2002. Т. 1.

6. Николаева Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста / сост., общ. ред. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. М., 1978. Вып. 8. С. 467–472.
7. Обзор исторических статей в русских журналах // Военный сборник. 1892. № 3.
8. Суханов Ю. Ю. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Вестн. РУДН. Сер. : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9, № 1. С. 200–212.
8. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. 208 с.
9. Van Dijk T. Structures of discourse and structures of power [Electronic resource] // Annals of the International Communication Association. 1989. Vol. 12, iss. 1: Communication Yearbook 12. P. 18–59. URL: <https://www.tandfonline.com/toc/rica20/12/1?nav=tocList> (accessed: 17.11.2012).
10. Wodak R. (ed.). Language, Power, and Ideology. Amsterdam, 1989.

Статья поступила в редакцию 06.11.2019 г.